

Над раздвижной дверью операционной алым цветом горело табло «Идет операция». Этот багровый свет, лежащий на мертвенно-белые стены коридора, казался кровью на бледной коже.

Дверь снова отъехала в сторону, и из операционной вышел врач в испачканном кровью халате. Он подошел к Чжоу Госюну. Тот вскинул голову — глаза его были красными от лопнувших сосудов.

— Как моя жена? — сипло спросил он.

— Господин Чжоу, — заговорил врач. — У вашей супруги началось сильное кровотечение, срочно нужно переливание...

Чжоу Госюн едва сдерживал себя.

— Так делайте переливание! — рявкнул он. — Мне нужно, чтобы моя жена и ребенок были живы и здоровы!

Врач замялся, подбирая слова:

— Дело в том... что у госпожи Ван отрицательный резус-фактор. Это очень редкая группа крови. В нашем банке ее сейчас нет.

— Так запросите! Пишите рапорты, делайте что хотите! Мне плевать, где вы ее достанете, но кровь должна быть!

— Да-да, разумеется... Но этой группы нет ни в одной больнице Города S. Придется везти из соседнего города. Но даже если отправить вертолет, на дорогу уйдет не меньше часа. А в ее состоянии... выдержит ли она хотя бы полчаса — огромный вопрос.

— Я со своей стороны сделал все, что мог, — ледяным тоном произнес Чжоу Госюн. — Повторяю: мне нужны живыми жена и ребенок. Если с ними что-то случится, кресло замглавврача этой больницы ты потеряешь.

Лоб врача покрылся испариной.

— Да, конечно... Мы сделаем все возможное...

Тяжелые двери операционной снова закрылись. Чжоу Госюн мгновенно ссутулился, растеряв всю свою былую спесь, и тяжело опустился на металлический стул. Он поднял голову и столкнулся взглядом с сидевшим напротив мальчиком.

Ли Чжи смотрел на него. Губы его беззвучно шевельнулись, прежде чем он едва слышно выговорил:

— Отец.

Они почти никогда не разговаривали. Чжоу Госюн терпеть его не мог, а сам Ли Чжи испытывал к отцу куда больше страха, чем сыновней привязанности. И все же сейчас, в этом пустом холодном коридоре, Чжоу Госюн оказался единственным человеком, к кому он мог обратиться.

Он хотел спросить: «Мама умрет?» Но не успел — двери операционной вновь распахнулись. На этот раз вышел другой врач. Она протянула Чжоу Госюну какую-то бумагу и ручку.

Ли Чжи сразу понял: это уведомление о критическом состоянии пациентки.

Чжоу Госюн окончательно потерял самообладание. Он ткнул пальцем в лист бумаги:

— Это еще что такое?! Что это значит?!

— Господин Чжоу, мы...

— Вы сказали, нужно переливание? Так ждите, когда привезут кровь! Только что клялись, что сделаете все возможное, а теперь суετε мне это?! Я ничего подписывать не буду!

— Господин Чжоу, мы только что обнаружили, что дело не только в кровотечении. Когда ваша супруга упала с лестницы, пуповина...

Конец фразы потонул в шуме в ушах. Слова врача будто материализовались, превратившись в искаженные злобой лица, которые с диким ревом бросились на него. Не помня себя от ужаса, Ли Чжи бросился прочь по длинному коридору. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, готовое вот-вот разорвать ребра.

«Мама умрет?»

Этот вопрос застрял в горле колючей костью, не давая вздохнуть. Грудь сдавило мертвой хваткой. Больше терпеть это одиночество и страх было выше его сил — ему отчаянно требовалось выговориться, услышать хоть чей-то голос.

«Ответь... умоляю, ответь»

Ли Чжи судорожно листал список контактов, пока не ткнул в первый попавшийся номер.

Забившись в темный угол у стены, он грыз ногти, вслушиваясь в бесконечные, глухие гудки.

Ли Чжи затравленно озирался по сторонам. Каждая секунда ожидания казалась вечностью. И наконец на том конце провода щелкнуло.

— Гун Цзе, — взмолился Ли Чжи, хватаясь за звонок как за спасительную соломинку. — Мой брат... он столкнул маму с лестницы. У нее началось страшное кровотечение, врачи только что принесли бумаги... Гун Цзе...

Схватив ртом холодный воздух, он всхлипнул:

— Скажи, она ведь не умрет? Мама ведь не может умереть, правда?

«Неужели она меня бросит?»

Он запустил пальцы в волосы и с силой потянул их, словно перестав чувствовать боль.

— Если она умрет... Что мне делать? Господи, что мне тогда делать? Как мне жить, Гун Цзе?..

Мысли путались, язык заплетался, он едва соображал, что говорит.

— Она покатила по ступеням... лежала там, в луже крови, и не шевелилась. Выглядела совсем как мертвая. Мне так страшно, Гун Цзе, мне так страшно... Почему ты молчишь? Пожалуйста, ответь мне...

Из трубки раздался глубокий вздох, но это был не голос Гун Цзе. На том конце ответил парень — его тон был ровным, спокойным и до боли знакомым:

— Ли Чжи. Не плачь.

Ли Чжи оцепенел. Проведя тыльной стороной ладони по щеке, он с удивлением обнаружил, что она мокрая от слез. Медленно опустив телефон, он уставился на экран. В графе «Имя контакта» светилось: «Брат Минчжан».

Контактов в его телефоне было раз-два и обчелся. Строчкой ниже Гун Цзе шел Чу Минчжан — в панике Ли Чжи слишком быстро провел пальцем по экрану и промахнулся.

— Ты где сейчас? — спросил Чу Минчжан.

Сглотнув застрявший в горле ком, Ли Чжи дрожащим голосом назвал адрес больницы.

— Понял, — отозвался Чу Минчжан. — Буду через пятнадцать минут. Перестань плакать.

Когда Чу Минчжан приехал, Ли Чжи все так же сидел на корточках в углу. Сжавшись в комок, он испуганно грыз свой большой палец и даже не поднял головы, когда перед ним выросла знакомая фигура.

Чу Минчжан не стал его окликать. Он просто опустился рядом на корточки и мягко, но настойчиво отвел его руку от лица. Ли Чжи поднял на него пустой, остекленевший взгляд. Когда он приоткрыл рот, на зубах показалась кровь — он кусал подушечку пальца до мяса.

— Брат Минчжан... Ты приехал. Я...

Ли Чжи не знал, куда деться от неловкости. В последнее время Чу Минчжан держался отчужденно, то приближая его к себе, то отдаляя, и они почти не общались. Теперь, когда парень стоял прямо перед ним, Ли Чжи невольно почувствовал пробежавшую между ними прохладу.

— Что случилось? — спросил Чу Минчжан.

Ли Чжи честно попытался собраться с духом и связно пересказать все с самого начала, но переоценил собственные силы.

Он и сам не заметил, как снова разрыдался. Вскоре из горла не вылетало ничего, кроме невнятного хрипа. Сегодняшний ужас, копившийся неделями кошмар — все слилось в один удушливый ком. Слезы градом катились по щекам. Он задыхался от рыданий, грудь разрывало от боли, а живот сводило судорогой.

Он плакал навзрыд — тонко, жалобно, будто раненый зверек.

И тогда Чу Минчжан просто прижал его к себе.

Ли Чжи на миг затих, уткнувшись лицом в его плечо, а затем снова зашептал сквозь глухие, прерывистые рыдания:

— Мне страшно... Мне так страшно... Вдруг она умрет? Что я буду делать без нее? Неужели я останусь совсем один?

— Не останешься. Не бойся, — Чу Минчжан сидел прямо на холодном линолеуме, крепко сжимая его в объятиях. Он опустил взгляд и заговорил тихо, но удивительно твердо: — Все будет хорошо. Слышишь? Все обойдется.

Разомкнутый разум Ли Чжи заволокло туманом, он едва соображал и не вникал в смысл слов. Он лишь упрямо твердил одно и то же, а Чу Минчжан терпеливо, раз за разом, повторял, что все будет хорошо.

В конце концов Ли Чжи сорвал голос и мог только беззвучно содрогаться. У Чу Минчжана голос тоже охрип, но его ладонь продолжала мерно и успокаивающе похлопывать его по спине.

Лишь когда из операционной наконец вышел врач и сообщил, что ребенка спасти не удалось, но жизнь Ван Сяочунь вне опасности, напряжение, державшее Ли Чжи все это время, разом отпустило его.

Навалилась сокрушительная, свинцовая усталость. Силы окончательно покинули его, в глазах потемнело, и Ли Чжи провалился в беспамятство.

Последнее, что он запомнил перед тем, как окончательно потерять сознание, — теплое прикосновение к спине и мерный, глухой стук чужого сердца у самого уха.

При падении Ван Сяочунь ребенок в ее чреве запутался в пуповине и задохнулся.

Чжоу Госюн в наказание сослал Чжоу Баюя в Торонто, урезав его содержание до жалкого минимума. Для избалованного наследника, привыкшего ни в чем себе не отказывать, эти гроши были равносильны полному безденежью.

Фактически отец отрекся от старшего сына. Пытаясь хоть как-то загладить вину перед Ван Сяочунь, Чжоу Госюн теперь сдувал с нее пылинки и потакал любой ее прихоти, готовый расшибиться в лепешку ради одной лишь бледной улыбки.

Ли Чжи так и не обрел младшего брата и лишился старшего. Всего за несколько дней его привычный мир перевернулся с ног на голову. В последующие месяцы незаметно, но бесповоротно начали меняться и другие вещи.

После того кошмара в больнице их отношения с Чу Минчжаном вернулись в прежнее русло. Тот больше не дичился его; они снова вместе ходили на уроки, обедали, и Ли Чжи по-прежнему повсюду следовал за ним хвостиком.

Но подспудно правила игры поменялись. Ли Чжи больше не караулил друга у его общежития — теперь Чу Минчжан сам приходил пораньше и ждал его внизу. Ли Чжи перестал стирать за ним с доски, более того — когда подходила его очередь дежурить по классу, Чу Минчжан как бы невзначай брал тряпку и делал все сам.

Стоило Ли Чжи хоть на день отвлечься и провести время с кем-то другим, как Чу Минчжан

мгновенно мрачнел. Ли Чжи хорошо запомнил день, когда вызвался помочь Гун Цзе передать признание какому-то старшекурснику и начисто забыл принести другу воду на баскетбольную площадку.

Когда он, запыхавшись, прибежал на стадион, Чу Минчжан все еще сидел на скамейке. Одарив Ли Чжи ледяным взглядом, он молча поднялся, скрестил руки на груди и зашагал к выходу.

Ли Чжи растерялся и бросился следом. Но парень только прибавил шагу. С его длинными ногами угнаться за ним было непросто, так что вскоре Ли Чжи пришлось перейти на бег.

— Брат Минчжан! Брат Минчжан, да подожди ты... Ой!

Чу Минчжан резко замер на месте. Ли Чжи не успел затормозить и со всего маху врезался носом в его твердую лопатку. В глазах заплескали искры, он схватился за переносицу, шипя от боли.

Чу Минчжан обернулся и смерил его сердитым взглядом:

— Мог бы вообще не приходить.

Только тогда Ли Чжи понял, что тот не на шутку злится. Но поверить в то, что причиной недовольства стала обычная задержка, он не мог. Он помялся, разглядывая мыски своих кроссовок:

— Э-э... Так ты уже в курсе?

Чу Минчжан лишь нахмурился, храня молчание. Ли Чжи нервно затеребил край футболки.

— Брат Минчжан, я вовсе не собирался тебя предавать... Просто подумал... Ты только не злись, ладно? Я же знаю, что она тебе нравится. Я все это время расписывал ей, какой ты замечательный, но... сердцу ведь не прикажешь. Они теперь вместе, да, но жизнь длинная, мало ли как все повернется. Так что у тебя еще будет шанс, брат Минчжан!

Чу Минчжан слушал эту сумбурную, полную искреннего сочувствия тираду с каменным лицом. Похоже, он не понял ни слова. Его брови сошлись на переносице, образовав глубокую складку.

— Ли Чжи... — выдавил он. — Что за чушь ты несешь?

Ли Чжи растерянно моргнул и вскинул голову:

— Но... разве ты разозлился не из-за того, что я помогал Гун Цзе признаться в любви?

Чу Минчжан посмотрел на него как на сумасшедшего:

— С какой стати мне злиться из-за этого? Кому и в чем она там признается — мне-то какое дело?

Он осекся. В голове вертелись упреки в духе «у тебя совсем нет чувства времени» и «ты не умеешь расставлять приоритеты», но вслух он произнес совсем другое:

— Тебе не кажется, что вы слишком близки? Парню и девушке вообще-то не стоит так себя вести. Ты... — Чу Минчжан прищурился, озвучивая мысль, которая не давала ему покоя весь день: — Ты что... влюблен в нее?

Ли Чжи опешил. На этот раз окончательно и бесповоротно. Осознав, клоном какой нелепицы стал этот разговор, он принялся отчаянно мотать головой:

— Нет! Нет-нет-нет, мы просто друзья! С чего ты взял? И вообще... — Его следующие слова прозвучали как гром среди ясного неба: — Разве она нравится не тебе?

Пауза затянулась. Чу Минчжан уставился на него, приоткрыв рот от изумления.

— Ли Чжи, — медленно произнес он. — Ты совсем дурак?

Это несправедливое обвинение больно задело Ли Чжи. Чу Минчжан же прижал ладонь к лицу, не зная, злиться ему или смеяться.

— Каким местом ты вообще думал? — выдохнул он. — С чего ты взял, что она мне нравится?

— Ну... — замялся Ли Чжи, не зная, как оправдаться, и выложил все как есть: — Хань... Хань Цзяо так сказал.

После этого Чу Минчжан даже смотреть на него не захотел. Развернувшись, он молча зашагал к автомату с газировкой на краю площадки. Потоптавшись на месте, Ли Чжи уныло поплелся следом.

— Брат Минчжан, ну я же... Я ведь не знал...

Обида и досада жгли изнутри. Ли Чжи уставился в землю, не решаясь заговорить. Минуты тянулись невыносимо медленно. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы попросить прощения, как вдруг переносицу обожгло холодом.

Чу Минчжан прижал ледяную жестяную банку, только что вынутую из автомата, к его

ушибленному носу.

— Все еще болит? — тихо спросил он, глядя на него сверху вниз.

Ли Чжи замер как вкопанный. Сначала мотнул головой, но тут же кивнул.

— Больше не опаздывай, — голос Чу Минчжана заметно смягчился. — И не слушай всяких идиотов.

Они стояли совсем рядом. Ли Чжи снизу вверх смотрел в его глаза. Пахло ледяной апельсиновой шипучкой, и этот сухой, щекочущий ноздри треск лопающихся пузырьков в точности вторил бешеному стуку его собственного сердца.

Именно в ту секунду, глядя в эти темные омуты зрачков, он понял: все изменилось. Бесповоротно. Запоздавая, ошеломительная радость хлынула горячей волной. Если он не нравился Гун Цзе... Если все это было не ради нее, то зачем... зачем Чу Минчжан раз за разом протягивал ему руку помощи?

Давно забытые, тайные чувства нахлынули бурной волной, увлекая его на самое дно. Ли Чжи знал: эта запретная привязанность никуда не исчезала. Он лишь запер ее глубоко внутри, заставив себя поверить, что все прошло.

Но теперь сдерживать себя было бессмысленно.

Чу Минчжан убрал банку, с легким щелчком вскрыл жестянку и протянул ему. Ли Чжи сделал глоток. Сладкая ледяная влага покатилась по горлу, но так и не смогла потушить разгоревшийся в груди пожар. Крепко сжимая банку обеими руками, он искоса поглядывал на парня.

Спустя годы Ли Чжи не раз ловил себя на мысли: лучше бы Чу Минчжан никогда ему не помогал. Лучше бы его не оказывалось рядом в самые отчаянные минуты. И если бы в тот день он не развеял это глупое заблуждение и позволил ему и дальше верить в выдумку Хань Цзыяо, все сложилось бы иначе.

Тогда ничего бы не случилось. Ни той страшной беды, ни всего, что последовало за ней. Они остались бы друзьями на всю жизнь. Ли Чжи до конца дней звал бы его «братом Минчжаном», довольствуясь ролью верного хвостика и искренне, безответно им восхищаясь.

Но именно Чу Минчжан намертво связал их судьбы в один узел. Это была его вина.

Только его.

<http://bllate.org/book/20441/2161814>